

Анастасия Уржа

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова филологический факультет
кафедра русского языка
aourja@gmail.com

УДК 811.161.1'367.625'38
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2023.27.2.9>
оригинални научни рад
примљен 8. 7. 2023.
прихваћен за штампу 22. новембра 2023.

РОЛЬ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПЕРВОГО ПЛАНА И ФОНА НАРРАТИВА: ДИАЛОГ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ*

В статье впервые проводится обзор и сопоставление российской и зарубежных научных традиций в исследовании феномена текстового выдвигания на протяжении последнего столетия. Труды нарратологов, лингвистов, когнитивистов, обращенные к средствам ранжирования информации, формирования первого плана и фона нарратива, сопоставляются друг с другом. Прослеживается эволюция научных идей, преемственность и диалог концепций: от работ русских формалистов – к трудам нарратологов и специалистов по общей теории языка, по русской грамматике и по лингвистике текста в России и за рубежом, к идеям современной функциональной и коммуникативной грамматики. В фокусе статьи – возможности русских личных и неличных форм глагола в области выдвигания на первый план или затушевывания событий, отраженных в нарративе. В рамках разнообразных концепций рассматривается роль грамматических значений вида, времени, модальности, переходности, предикативности/атрибутивности в формировании прагматического потенциала форм глагола в высказывании и в тексте. Практическое применение рассматриваемых понятий демонстрируется на материале русских художественных произведений.

Ключевые слова: русский глагол, совершенный вид, несовершенный вид, настоящее историческое, нарратив, первый план, фон, функции форм глагола.

The paper presents a comparative survey of trends in research of salience phenomena in a narrative, including works published in Russia and abroad through the last hundred years. Monographs and papers in narratology, linguistics and cognitive sciences considering foregrounding / backgrounding devices in a text are in the focus of the present study, with special attention to works originating from Russia. The evolution of theories and concepts, the interaction of different views on salience hierarchy of clauses in a narrative is explored and described. Starting with the works of Russian formalists – we move on to the papers and books by specialists in general linguistics and typology, in Russian grammar and text linguistics in Russia and abroad, and then to the ideas of functional and communicative grammar. The pragmatics of Russian finite and non-finite verb forms involved in foregrounding / backgrounding strategies in narratives is revealed and described by various scholars. The role of grammar categories, such as aspect, tense, modality, transitivity, properties of finite forms / participles / converbs – as a complex of characteristics influencing the foregrounding / backgrounding effect of a verb form in a certain narrative

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

passage is assessed in many works that are compared in the paper. The terms and concepts coined by different scholars are presented alongside with examples of the analysis of Russian literary texts.

Keywords: Russian verb, perfective aspect, imperfective aspect, historic present, narrative, foreground, background, grounding, functions of verb forms.

Традиционное представление о структуре повествовательного текста вербоцентрично. «Всё содержание сказки может быть изложено в коротких фразах, вроде следующих: *родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку* и т.д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет. Та же композиция может лежать в основе разных сюжетов» (Пропп 1928: 125). Действительно, события, которые, с точки зрения литературоведа, формируют «нить повествования», в лингвистике мыслятся как предикаты упорядоченных клауз, выраженные, в первую очередь, с помощью глагольных форм. При этом вопрос из области нарратологии: Что есть событие в тексте? Какие свойства отличают его от не-события? – последние полвека интересуют и многих языковедов, которые формулируют его в рамках своей сферы так: какие характеристики языковых средств (в том числе форм глагола) позволяют говорящему выделять одни явления на фоне других? За рубежом изучение «текстового выдвигания» (foregrounding) постепенно оформилось в виде научного направления, получившего название Theory of Grounding (теории первого плана и фона текста), в России же ценные идеи и гипотезы в этой сфере формировались в работах ученых, принадлежащих к самым разным научным школам. Цель данной статьи – провести сопоставление российской и зарубежных научных традиций в исследовании феномена текстового выдвигания, выявить основные тенденции в изучении средств формирования первого плана и фона нарратива, в первую очередь – личных и неличных форм глагола. В большей степени акцент будет сделан на трудах отечественных лингвистов, поскольку ранее они не становились предметом подобного исследования, тогда как зарубежным работам посвящен специальный обзор (Уржа 2018). В фокусе исследования – эволюция научных идей, преемственность и диалог концепций. Практическое применение рассматриваемых понятий демонстрируется на материале русских художественных и нехудожественных текстов.

Роль глагольных форм в построении структуры нарратива и привлечении внимания читателя: основополагающие научные концепции

Принято считать, что развернутые научные представления о свойствах фигуры и фона были разработаны гештальт-психологами (Koffka 1912; Köhler 1929), хотя, конечно, природа распределения человеческого внимания инте-

ресовала ученых еще в древности. Вычленению объекта или комплекса объектов из окружающего фона способствует их отграниченность, одинаковая организация, единообразное поведение. В трудах А. А. Потемни мы находим иллюстрацию этого феномена: человек с легкостью отличает дерево со всеми его ветками и листьями от неба, на фоне которого его воспринимает (Потемня 1989 (1862): 128–129). Интересно, что в трудах российских психологов, также интересовавшихся гештальт-теорией, идея иерархизации информации оказалась тесно связана не только с визуальным, но и с текстовым материалом, с «превращением грамматики мысли в грамматику слов», по выражению Л. С. Выготского. Языковые средства оформления фабулы в новелле с помощью глаголов, называющих события (на фоне второстепенных процессов и признаков), построение «хода» из «функций» в волшебной сказке, способы передачи «истории» и создание нарративного канона в русской классической прозе – все эти темы ярко расцветают в работах Б. М. Эйхенбаума, В. Я. Проппа, В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова. Не случайно Р. Барт в работе “*La linguistique du discours*” заметил, что лингвистика дискурса (в русском переводе – «лингвистика текста») как наука опирается на работы русских формалистов (Барт 1978: 445).

В отечественных научных трудах первой трети XX века мы найдем массу наблюдений над тем, как формы глагола позволяют сконструировать и выделить движение сюжета в тексте. Анализируются и сложные контрприемы. В известном разборе «Легкого дыхания» И. А. Бунина Л. С. Выготский обращает наше внимание на то, как главное событие рассказа – убийство Оли Мещерской, названное глаголом *застрелил*, намеренно «затеривается в нагромождении второстепенных описаний», так что «самая структура этой фразы заглушает этот страшный выстрел» (Выготский 1998: 201–202) Связь между приемами построения синтаксических структур в повествовании и формированием в нем сюжета и перспективы активно исследуется.

Важнейший прорыв в изучении текстовых функций русских видо-временных форм совершает В. В. Виноградов. В статье «Стиль «Пиковой дамы» (1936), а затем в главе о глаголе в книге «*Русский язык*» ученый исследует роль форм прошедшего времени на -л в построении повествовательных текстов. В итоге он выделяет четыре функции, «унаследованные» формами на -л от древних глагольных форм аориста, перфекта и имперфекта и позволяющие А. С. Пушкину и другим авторам создавать «рельефное», стереоскопическое повествование. По его словам, формы совершенного вида, словно «обладая кинетической энергией», вытесняют друг друга, продвигая сюжет к развязке, и намечают «основной чертеж» повествования. В то же время «в этот «линейный чертеж» вносятся новые измерения формами прошедшего времени несовершенного вида. Именно эти формы создают пространствен-

ную перспективу в повествовании, намечают в свободных контурах широкий план прошлого, располагаются сами и располагают вещи в одной временной плоскости» (Виноградов 1936: 114).

У русских форм совершенного вида В. В. Виноградов выделяет динамическую и результативную функцию, сопоставляя их с функциями древних форм аориста и перфекта. К роли имперфекта восходят функции форм несовершенного вида – «живописующая» и «качественно-характеризующая» (Виноградов 1947: 557–568). Автор утверждает: «очень важно, что в «Пиковой даме» (как и в большей части других повестей Пушкина) господствуют формы глаголов прош. времени сов. вида. Эти формы наиболее насыщены повествовательным динамизмом»:

Германн открыл семерку. Все ахнули. Чекалинский видимо смутился. Он отсчитал девяноста четыре тысячи и передал Германну. Германн принял их с хладнокровием и в ту же минуту удалился. (А. Пушкин)

Именно А. С. Пушкину, выстраивавшему «иерархию» слов и фраз в прозаическом тексте, удастся выработать классический канон повествования для русской литературы XIX века, который позже будет повторяться, а затем и обыгрываться (см. ниже у А. П. Чехова).

Небольшое исследование, проведенное нами в библиотеках университетов мира, показало, что две вышеупомянутые работы В. В. Виноградова до конца XX века не были полноценно переведены на европейские языки. Это объясняет тот факт, что в зарубежных работах по теории первого плана и фона текста эти важнейшие труды не упоминаются. Напротив, книга В. Я. Проппа «*Морфология сказки*» была переведена на английский язык в 1958 году, а в 1965 году Ц. Тодоров (который позже и ввел само название *нарратологии*) сделал достоянием общественности французские переводы работ русских формалистов. Во всем мире эти труды вызвали живейший интерес.

Среди ученых, развивавших идеи В. Я. Проппа, были лингвисты У. Лабов и Дж. Валецки. В 1967 году в свет вышла их работа “*Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience*”. У. Лабов исследовал тексты историй из жизни, рассказанных обычными людьми. По аналогии с «функцией» Проппа он предложил рассматривать в качестве единицы нарратива клаузу – предложение или оборот, содержащий глагольную форму. Среди клауз разных типов он выделил основные – «нарративные», которые называют и выстраивают в тексте цепочку событий. Обратив внимание на то, что английские глагольные формы в таких предложениях обычно оформляются в виде простого прошедшего (а не продолженного, например) или настоящего исторического, У. Лабов назвал такие формы «нарративными пиками» (Labov et al. 1967).

Развивая идеи У. Лабова, типологи П. Хоппер и С. Томпсон в 1980 году соотнесли свойства нарративных «пиков» с транзитивностью глагольных форм, выражающих их. Было выявлено, что клаузы, привлекающие наибольшее внимание читателей в качестве ключевых событий повествовательных текстов, обладают «высокой» транзитивностью. Их предикаты обозначают динамические, ограниченные во времени, контролируемые действия, оформленные с помощью личных форм индикатива, приписываемые, в первую очередь, личным агентам и направленные на индивидуализированные объекты (Horner, Thompson 1980). Поэтому фразы *Германн увидел графиню*, *Он передал девушке записку*, *Германн вынул из кармана пистолет*, *Он показал свою карту* – воспринимаются нами как опорные в сюжете «Пиковой дамы», тогда как предложения *Графиня была стара* или *Лизавета Ивановна сидела в своей комнате* представляются нам фоном истории.

В качестве основного грамматического средства реализации первоплановых предикатов в русском языке зарубежные исследователи называют морфологическую характеристику совершенного вида (Chvany 1985) – таким образом, их наблюдения совучны идеям В. В. Виноградова. В ряде работ отмечается, что значительное внимание способны привлекать также формы настоящего исторического – в силу эффекта приближения дейктического центра повествования к читателю (Fleischman 1990). Постепенно выявляется целый ряд признаков глагольной формы, комбинация которых способствует «выдвижению» или «затушевыванию» события, а дихотомия «первый план» – «фон» превращается в шкалу. Среди таких признаков: совершенный – несовершенный вид глагола, реальная – ирреальная модальность, личная – неличная форма, наличие – отсутствие субъекта и объекта в прямых падежах (Chvany 1985: 14–15). Оговаривается и характер участников – личные агенты с конкретной референцией чаще оказываются субъектами нарративных клауз, чем неодушевленные предметы и субстанции – так проявляется антропоцентризм языка. Одна из самых детальных классификаций свойств первоплановых и фоновых клауз принадлежит американскому слависту К. Чвани, ученице Р. О. Якобсона.

В СССР в 1970–80-е годы также развивались исследования в этой сфере. Можно выделить здесь несколько крупных направлений, в которых идеи, связанные с ролью глагола в иерархизации информации в нарративе, оформляются по-разному. Ряд работ исходит из данных общей теории языка и когнитивистики, другие основываются на результатах изучения специфических особенностей русской грамматики, третьи используют обширный опыт лингвистического анализа русских повествовательных текстов.

Изучение иерархизирующего потенциала клауз в рамках общей теории языка и когнитивной лингвистики

Активный диалог с зарубежными коллегами вели типологи и специалисты в сфере общей теории языка. В статье «Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка» М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик охарактеризовали «языковой механизм приоритетных стратегий, выделяющих, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые» (Бергельсон, Кибрик 1981: 343). Одна из рассмотренных стратегий связана с синтаксическим выражением полипропозитивности. Наиболее «престижной» называется реализация пропозиции в виде независимого предложения, далее следует придаточное предложение, затем полупредикативный оборот, копредикат (*вернуться усталым*), определитель, именная группа (например, с девербативом или другим существительным с событийной семантикой).

Вопрос о характере актантов нарративных клауз детально рассматривается в статье Ю. С. Степанова «Иерархия имен и ранги субъектов» (Степанов 1979), где с опорой на классификацию сущностей у Аристотеля и в диалоге с современными концепциями Э. Кинэна, У. Фоли, Р. Ван Валина, Ч. Филлмора исследуется феномен семантического и синтаксического ранжирования именных групп. Наиболее выделенным агенсом клаузы становится «Я» субъекта речи, далее по убыванию следуют другие лица (не-Я) > животные (не-лица) > вещи (неживые) > бестелесные субстанции. Действительно, в первую очередь, читая повествовательный текст, мы следим за тем, что происходит с людьми, если же главными героями нарратива оказываются звери, растения или предметы, то они в той или иной степени антропоморфируются, наделяются «судьбой», эмоциями, мыслями.

В конце XX – начале XXI веков с опорой на типологически разнообразный материал в отечественной науке был проведен ряд исследований дискурсивных функций грамматических категорий имени и глагола, задействованных в механизмах противопоставления элементов нарратива друг другу. Результаты были опубликованы в сборнике «Грамматические категории в дискурсе» (2008), главный редактор которого, В. А. Плунгян представил «грамматически релевантную» классификацию функциональных фрагментов нарратива – «пассажей»: интродуктивного, консеквативного, фонового, ретроспективного и объяснительного. Каждому типу пассажи соответствует дискурсивная функция, в реализации которой участвуют грамматические категории: время, вид, таксис, модальность, эвиденциальность (Плунгян 2008: 19–20). Особое внимание уделяется функционированию в нарративе форм *praesens historicum*, этой теме посвящены публикации Е. В. Падучевой, С. В. Пискуновой.

С 90-е годов XX века в отечественных и зарубежных научных трудах все более ощутимым становится когнитивный аспект исследования феномена текстового «выдвижения». Изучением механизмов распределения внимания к информации, воплощенной средствами языка, занимаются Р. Лангакер, Л. Талми, У. Крофт, А. Верхаген и др. В *«Кратком словаре когнитивных терминов»* под общей редакцией Е. С. Кубряковой появляется статья В. З. Демьянкова «Выделенность vs. существенность (релевантность)» (Демьянков 1996), А. Р. Армеева под руководством И. М. Кобозевой готовит диссертацию *«Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты»* (Армеева 2001).

Е. В. Петрухина в ряде работ обращается к анализу специфики функционирования категорий вида, времени и залога русского глагола, привлекая сопоставительный материал и широкий контекст когнитивных исследований. Соотносительные возможности глагольных форм изучаются на стыке морфологии, синтаксиса, семантики и словообразования в рамках сферы деривации: аспектуальной, залоговой, возвратной, причастной, актантной. Прагматический потенциал форм совершенного и несовершенного вида, прошедшего времени и *praesens historicum* – выявляется и описывается с опорой на данные Национального корпуса русского языка, русской классической и современной литературы в сопоставлении с переводными версиями (Петрухина 2009; Петрухина 2023 и мн. др.).

Особым объектом изучения в монографии О. К. Ирисхановой становится дефокусирование – «широкий класс лингвокогнитивных процессов, в ходе которых происходит изменение фокуса внимания говорящих, приводящее к понижению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации или объекта» (Ирисханова 2014: 65). Дефокусирование исследуется на уровне семантики лексических единиц (при не прямой номинации, эвфимизации и др.), и в сфере синтаксиса, и в дискурсе (при использовании стратегий уклонения в диалоге или при распределении фокуса в нарративных текстах).

Лингвокогнитивные исследования в сфере распределения внимания проводятся всё более активно (упомянем сборники работ *«Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук»* (2017), выпуски научных трудов в серии «Когнитивные исследования языка»), их материал продолжает расширяться, а научная база включает опору на данные других дисциплин: психологии, нейробиологии, корпусной лингвистики.

Русский глагол и его интерпретационные грамматические категории. Представление о функционально-семантической категории комитативности.

Другое направление отечественных исследований, описывающих явления, сопряженные с текстовым выдвижением, относится к изучению грам-

матической семантики и грамматических категорий русского языка через призму понятия интерпретации. А. В. Бондарко в работах о стратификации семантики (Бондарко 1978: 3–127 и мн.др.) выделяет интерпретационный компонент языкового содержания как «способ представления смысловой основы в значениях, выражаемых средствами данного высказывания». Такой взгляд на грамматическую семантику оказывается важным при изучении «динамики перефразирования», когда говорящий воплощает одну и ту же инвариантную смысловую основу высказывания в различных грамматических конструкциях (*В прошлый раз мы рассматривали вопрос.*; ср.: *нами рассматривался вопрос; предметом нашего рассмотрения был вопрос* и т. п.), а также при межъязыковых сопоставлениях. Наиболее активно понятие языковой интерпретации применяется в «Теории функциональной грамматики» в описании ФСП залоговости: «Следует подчеркнуть, что различие активности/пассивности вообще имеет преимущественно интерпретационный характер: речь идет о том, как «выставлены» действие, его субъект и его объект в соотношении с элементами структуры предложения» (Теория функциональной грамматики 1991: 136).

С представлением об интерпретационном компоненте языкового содержания связано понятие интерпретационной категории, примененное Е. В. Клобуковым в исследовании грамматики русского языка. Интерпретационные морфологические категории транслируют представление говорящего о степени значимости того или иного участника или признака ситуации по отношению к другим ее участникам или признакам. Интерпретационный характер носит не только категория залога, но и оппозиция личности – безличности (*Я не пишу – Мне не пишется*), а также предикативности – атрибутивности (противопоставляющая личные формы глагола неличным).

Подробное освещение эта тема находит в статье Е. В. Клобукова о комитативности (ср. лат. *comitatus* – ‘сопутствующий’) – функционально-семантической категории, конструируемой разноуровневыми средствами языка, которые позволяют говорящему «осуществлять иерархизацию однородных смыслов» (Клобуков 1992: 28–29). В сфере реализации категории комитативности рассматриваются словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические и даже текстовые показатели. В зоне морфологии выделяется «глагольная комитативность», находящая выражение в противопоставлении личных форм (вербализующих основной процессуальный признак) неличным, где деепричастия всегда указывают на второстепенность действия или состояния, а причастия занимают промежуточное положение «на шкале нарастания комитативности». На уровне предложения рассматриваются принципы иерархизации ситуаций с помощью средств синтаксического подчинения (Клобуков 1992: 30): *Колдунья варила зелье, шепча себе*

что-то под нос. Оригинальные концепции прагматически обусловленной иерархизации способов синтаксического выражения полипропозитивности представлены также в работах Т. В. Шмелевой и М. Ю. Федосюка.

Сопоставление представления об интерпретационных категориях с идеями зарубежной теории выдвижения (П. Хоппера, С. Томпсон, К. Чвани, Б. Уорвик и др.) открывает новые ракурсы для изучения особенностей русской грамматики и ее функционирования в нарративе.

Текстовые функции глагольных форм в теории коммуникативной грамматики русского языка

Идея В. В. Виноградова о текстовых функциях русских глагольных форм на -л получила развитие в трудах его учеников и последователей – школы коммуникативной грамматики русского языка. Ученица В. В. Виноградова Г. А. Золотова предложила сохранить этимологическую связь обозначений четырех текстовых функций с формами, которые когда-то их выполняли, и назвала их соответственно аористивной, перфективной, имперфективно-процессуальной и имперфективно-узуальной. Именно аористивная функция выступает как главное средство организации повествования: акциональные глаголы сменяют друг друга, продвигая сюжет (*Тут он в точку уменьшился, Комаром оборотился, Полетел и запищал, Судно на море догнал*). Перфективная функция фиксирует изменившееся состояние объекта (*Как он **поставил!***). С помощью имперфективно-процессуальной функции в текст вводятся длящиеся действия (*Ветер весело шумит, Судно весело бежит*), а имперфективная узуально-характеризующая функция позволяет сообщить о качествах, умениях, характеристиках участников (*Царь Никита жил когда-то Праздно, весело, богато, **Не творил добра, ни зла, И земля его цвела***).

Таким образом, «соотношение функций сов. и несов. вида создает пространственно-временную объемность, стереоскопичность текста, связь переднего плана сюжетной динамики со вторым планом параллельных действий, с описательно-статическим фоном» (Золотова и др. 1998: 28).

При этом концепция В. В. Виноградова получает дальнейшее развитие: представление о текстовых функциях распространяется на другие формы времени глагола, а затем и еще шире – на предикаты текста. Например, в предложении *И **окрику** вслед – **охлест*** нет глаголов, но динамические (аористивные) функции воплощены с помощью существительных с событийной семантикой; фрагмент *Оттого-то шум и клики В Петербурге-городке...* организован имперфективно-процессуальными функциями предикатов и т.д. Таким образом, представление о текстовых функциях охватывает все предикаты текста, представленные клаузами, как финитными, так и нефинитными, и даже безглагольными: *Беру ноты. Пробую голос. Стук в дверь* (Ф. Шаляпин).

Н. К. Онипенко в монографии «*Основные положения коммуникативной грамматики русского языка*» (2019), подчеркивает: если последовательность глагольных форм в аористивной функции создает событийную цепочку, то набор перфективных функций не упорядочивает результаты изменений во времени, хотя и выделяет каждый из них: *Но капор обветшал, быстро и странно, в один последний год, и сборки ссеклись и потускнели, и потерлись ленты* (М. А. Булгаков). Действительно, каждая из форм в перфективной функции не образует хронологической «привязки» к другим перфективам, не требует расстановки их в определенном порядке и даже не предполагает их наличия: регистрация каждого изменения автономна и самодостаточна.

Идеи В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой и ее соавторов получили отклик в работах современных шведских и польских ученых (П. Йенсена, Г. Фонтаньского, И. Любохи-Круглик и др.), исследующих поведение русских видо-временных форм в нарративе. Например, П. Йенсен представляет результаты анализа «Скучной истории» А. П. Чехова, где практически все глаголы, обозначающие действия и состояния главного героя, выражены с помощью глаголов несовершенного вида. История протагониста действительно «скучна» – в ней ничего не «совершается» (Jensen 1990). По мнению ученого, автор таким образом привлекает наше внимание к неспособности героя увидеть значимые события в своей жизни и установить связь между невыразительным *теперь* и прекрасным *прежде*:

В без четверти десять нужно идти к моим милым мальчикам читать лекцию. Одеваюсь и иду по дороге, которая знакома мне уже 30 лет и имеет для меня свою историю. Вот большой серый дом с аптекой; тут когда-то стоял маленький домик, а в нем была портерная... (А. Чехов)

Ощущение застоя, однообразия, скуки нагнетается за счет большого количества форм в имперфективной узуально-характеризующей функции. Фон как будто заменяет собой первый план. Лингвистический анализ, проведенный П. Йенсеном, демонстрирует и своеобразие поэтики «Скучной истории», и в целом тот эксперимент, который проводит А. П. Чехов по отношению к нарративному канону XIX века (так наглядно описанному В. В. Виноградовым в «Стиле «Пиковой дамы»»). Представление о текстовых функциях глаголов (и шире – предикатов), конституирующих первый план и фон нарратива, продолжает развиваться в рамках отечественной школы коммуникативной грамматики, в работах учеников Г. А. Золотовой (Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой, А. В. Уржи, В. Е. Чумириной, О. С. Завьяловой). Роль русских глагольных форм в ранжировании информации изучается на материале классических и новейших художественных произведений, научной и учебной литературы, разножанровых текстов в СМИ и социальных сетях,

переводов иноязычных нарративов на русский язык (а также в обратном направлении), и даже текстов, сгенерированных искусственным интеллектом.

Итак, на протяжении XX-XXI века интерес к роли форм глагола в иерархизации информации, в построении «рельефного» повествования с первым планом и фоном, постоянно рос и диверсифицировался. Как за рубежом, так и в России, его стимулировали работы психологов, однако именно языковое воплощение принципов выдвижения информации быстро оказалось в фокусе исследований. Работы русских формалистов привлекли внимание научной общественности к тому, как языковые средства участвуют в построении нарратива, а когда в 60-70-е годы теория текстового выдвижения (Theory of Grounding) стала бурно развиваться в разных странах, начался процесс активного диалога и взаимовлияния между научными направлениями. В последней трети XX века в России на фоне распространения функциональных исследований можно наблюдать как критическую рецепцию зарубежных концепций, так и развитие отечественного научного наследия в этой области (в частности, идей В. В. Виноградова). Разработки школы функциональной и коммуникативной грамматики, понятия интерпретационного компонента языкового содержания в грамматике (А. В. Бондарко), текстовых функций предикатов (Г. А. Золотова), в свою очередь, вызвали интерес и стимулировали диалог российских и зарубежных ученых. В наши дни изучение прагматического потенциала глагольных форм в тексте основывается на объединении достижений типологов, специалистов по русской грамматике и по лингвистике текста с привлечением корпусных данных [Онипенко, Биккулова 2020; Уржа 2022, Петрухина 2023 и др.]. Лингвистика, нарратология и когнитивистика взаимодействуют в этой сфере, оппозиция первый план / фон используется в работах по когнитивной поэтике, лингвонарратологии, в сопоставительных исследованиях. Проведенный нами анализ данных зарубежных и отечественных трудов позволяет понять, что эволюция научных идей в сфере текстовых функций форм глагола может быть корректно охарактеризована только в том случае, если мы воспринимаем ее в контексте международного и междисциплинарного диалога.

Использованная литература

- Армеева, Анна Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты: Моделирование процесса вербализации визуальной информации. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001.
- [Armeeva, Anna R. Kognitivnaïa kategoriã vydelennosti i ee iazykovye korreliaty: Modelirovanie protsessã verbalizatsii vizual'noï informatsii. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2001]

- Барт, Ролан. «Лингвистика текста». [В:] Т. М. Николаева (ред.) Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Москва: Прогресс, 1978, 442–449.
- [Bart, Rolan. «Lingvistika teksta». [V:] T. M. Nikolaeva (red.) Novoe v zarubezhnoĭ lingvistike. Вып. VIII. Moskva: Progress, 1978, 442–449]
- Бергельсон, Мира Б., Александр Е. Кибрик. «Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка». Известия АН СССР сер. ОЛЯ 4 (40), 1981: 343–355.
- [Bergel'son, Mira B., Aleksandr E. Kibrik. «Pragmaticeskĭĭ printsĭp Prioriteta i ego otrazhenie v grammatike ĭazyka». Izvestiia AN SSSR ser. OLĪA 4 (40), 1981: 343–355]
- Бондарко, Александр В. Грамматическое значение и смысл. Ленинград: Наука, 1978.
- [Bondarko, Aleksandr V. Grammaticeskoe znachenie i smysl. Leningrad: Nauka, 1978]
- Виноградов, Виктор В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва, Ленинград: Учпедгиз, 1947.
- [Vinogradov, Viktor V. Russkĭĭ ĭazyk. Grammaticeskoe uchenie o slove. Moskva, Leningrad: Uchpedgiz, 1947]
- Виноградов, Виктор В. «Стиль «Пиковой дамы». [В:] Ю. Г. Оксман (ред.) Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936, 74–147.
- [Vinogradov, Viktor V. «Stil' «Pikovoĭ damy». [V:] IŪ.G. Oksman (red.) Pushkin: Vremennik Pushkinskoĭ komissii. Вып. 2. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936, 74–147]
- Выготский, Лев С. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- [Vygotskĭĭ, Lev S. Psikhologiia iskusstva. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998]
- Демьянков, Валерий З. «Выделенность vs. существенность (релевантность)». [В:] Е. С. Кубрякова (ред.) Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996, 22–25.
- [Dem'iankov, Valerĭĭ Z. «Vydelennost' vs. sushchestvennost' (relevantnost')». [V:] E. S. Kubriakova (red.) Kratkĭĭ slovar' kognitivnykh terminov. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996, 22–25]
- Золотова, Галина А., Надежда К. Онипенко, Марина Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: ИРЯ им. В. В. Виноградова, 1998.
- [Zolotova, Galina A., Nadezhda K. Onipenko, Marina IŪ. Sidorova. Kommunikativnaia grammatika russkogo ĭazyka. Moskva: IRĪA im. V. V. Vinogradova, 1998]
- Ирисханова, Ольга К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва: Языки славянской культуры, 2014.
- [Iriskhanova, Ol'ga K. Igrы fokusa v ĭazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia. Moskva: ĪAzyki slaviĭanskoĭ kul'tury, 2014]
- Клобуков, Евгений В. «Иерархизация однородных смыслов в предложении (высказывании) как проблема функциональной грамматики». [В:] К. В. Горшкова (ред.) Системные семантические связи языковых единиц.. Москва: Издательство Моск. ун-та, 1992, 28–37.

- [Klobukov, Evgeniĭ V. «Ierarkhizatsiia odnorodnykh smyslov v predlozhenii (vyskazyvanii) kak problema funktsional'noĭ grammatiki». [V:] K. V. Gorshkova (red.) Sistemnye semanticheskie sviazi iazykovykh edinit's.. Moskva: Izdatel'stvo Mosk. un-ta, 1992, 28–37]
- Онипенко, Надежда К., Ольга С. Биккулова. «К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов»)». [В:] Е. В. Головки, Е. В. Горбова (ред.) Взаимодействие аспекта со смежными категориями, Санкт-Петербург, 2020, 271–282.
- [Onipenko, Nadezhda K., Ol'ga S. Bikkulova. «K probleme sootnosheniia vida i taksisa (deepri chastie v «Semantiko-grammaticheskom slovare russkikh glagolov»)». [V:] E. V. Golovko, E. V. Gorbova (red.) Vzaimodeĭstvie aspekta so smezhnymi kategoriiami, Sankt-Peterburg, 2020, 271–282]
- Онипенко, Надежда К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка. Москва: Изд-во МГПУ, 2019.
- [Onipenko, Nadezhda K. Osnovnye polozheniia kommunikativnoĭ grammatiki russkogo iazyka. Moskva: Izd-vo MGPU, 2019]
- Петрухина, Елена В. «Когнитивные аспекты деривации в русском языке». Когнитивные исследования языка 3 (2), 2023: 164–170.
- [Petrukhina, Elena V. «Kognitivnye aspekty derivatsii v russkom iazyke». Kognitivnye issledovaniia iazyka 3 (2), 2023: 164–170]
- Петрухина, Елена В. Русский глагол: категории вида и времени. Москва: МАКС Пресс, 2009.
- [Petrukhina, Elena V. Russkiĭ glagol: kategorii vida i vremeni. Moskva: MAKS Press, 2009]
- Плунгян, Владимир А. «Дискурс и грамматика». [В:] В. Ю. Гусев и др. (ред.) Грамматические категории в дискурсе. Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Москва: Гнозис, 2008, 7–34.
- [Plungian, Vladimir A. «Diskurs i grammatika». [V:] V. IŪ. Gusev i dr. (red.) Grammaticheskie kategorii v diskurse. Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 4. Moskva.: Gnozis, 2008, 7–34]
- Потебня, Александр А. Мысль и язык. Слово и миф. Москва: Издательство «Правда», 1989.
- [Potebniā, Aleksandr A. Mysl' i iazyk. Slovo i mif. Moskva: Izdatel'stvo «Pravda», 1989]
- Пропп, Владимир Я. Морфология сказки. Ленинград: ACADEMIA, 1928.
- [Propp, Vladimir IĀ. Morfologiia skazki. Leningrad: ACADEMIA, 1928]
- Степанов, Юрий С. «Иерархия имен и ранги субъектов». Известия АН СССР. Сер. лит и яз. 4 (38), 1979: 335–348.
- [Stepanov, IŪriĭ S. «Ierarkhiia imen i rangi sub'ektov». Izvestiia AN SSSR. Ser. lit i iaz. 4 (38), 1979: 335–348]
- Бондарко, Александр В. (ред.) Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. А. В. Санкт-Петербург: Наука, 1991.

- [Bondarko, Aleksandr V. *Teoriia funktsional'noĭ grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1991]
- Уржа, Анастасия В. *Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение*. Москва: Флинта, 2022.
- [Urzha, Anastasiia V. *Pervyi plan i fon v povestvovatel'nom tekste: narratologiya, lingvistika, kognitivnye issledovaniia, perevodovedenie*. Moskva: Flinta, 2022]
- Уржа, Анастасия В. «Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения». *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies* 2, 2018: 494–525.
- [Urzha, Anastasiia V. «Pervyi plan i fon narrativa: napravleniia zarubezhnykh issledovaniĭ v sfere lingvistiki i perevodovedeniia». *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies* 2, 2018: 494–525]
- Chvany, Catherine V. “Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)”. *Essays in Poetics* 10 (2), 1985: 1–27.
- Fleischman, Susan. *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin: University of Texas Press, 1990.
- Hopper, Paul, Sandra Thompson. “Transitivity in grammar and discourse”. *Language* 56 (2), 1980: 251–299.
- Jensen, Peter A. “Narrative Description or Descriptive Narration: Problems of Aspectuality in Chechov”. [In:] N. B. Thelin (ed.) *Verbal Aspect in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1990, 383–410.
- Koffka, Kurt. *Zur Analyse der Vorstellungen und ihrer Gesetze*. Leipzig: Quelle & Meyer, 1912.
- Köhler, Wolfgang. *Gestalt Psychology*. NY: Horace Liveright, 1929.
- Labov, William, Joshua Waletzky. “Narrative analysis: Oral versions of personal experience”. [In:] J. Helm (ed.) *Essays on the verbal and visual arts*. Seattle: University of Washington Press, 1967, 12–44.

УЛОГА РУСКИХ ГЛАГОЛСКИХ ОБЛИКА У ГРАЂЕЊУ ПРВОГ ПЛАНА И ФОНА НАРАТИВА: ДИЈАЛОГ НАУЧНИХ ТРАДИЦИЈА

Резиме

У чланку се први пут дају преглед и поређење руске и стране научне традиције у истраживању феномена текстуалног истицања у току последњег века. Међусобно се пореде нараторолошки, лингвистички и когнитивистички радови с фокусом на средствима рангирања информација и формирања првог плана и фона наратива. Прате се развој научних идеја, континуитет и дијалог концепција од радова руских формалиста преко радова нараторолога, стручњака за општу теорију језика, руску граматику и лингвистику текста из Русије и иностранства до идеја савремене функционалне и комуникативне граматике. У фокусу рада су могућности руских личних и неличних глаголских облика у области истицања у први план или пак замагљивања догађаја који се одражавају у наративу. У оквиру различитих концепција разматра се улога граматичких значења времена, вида, модалности, прелазности, предикативности/атрибутивности у формирању прагматичког потенцијала глаголских облика у исказу и тексту. Практична примена разматраних појмова разматра се на материјалу руске књижевности.

Кључне речи: руски глагол, свршени вид, несвршени вид, историјски презент, наратив, први план, позадина, функције глаголских облика.